

задана еще в «Наблюдениях о чувстве прекрасного и возвышенного» 1764 года. В то же время, над «Критикой чистого разума» Кант работает долгие годы, по крайней мере, с начала семидесятых годов [см.: 3, с. 333–334]. Биографический метод М. Кюна выявляет развитие кантовских идей на протяжении отдельных периодов жизни философа. Представляется, что Кант не всегда и не везде пользовался трансцендентальными конструкциями, но вот в чём он видит предел их применимости (рассудок только в границах опыта может отыскивать истину) нужно попытаться раскрыть. Так, в работе 1770 года «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира» Кант уже проводит чёткую границу между рассудком и чувством и говорит о том, что *«идея времени не возникает из чувств, а предполагается ими»* [6, с. 293]. То есть существует некая идея времени, посредством которой можно **представить**, бывает ли то, что действует на чувства, одновременным или последовательным; последовательность **не порождает** понятия времени, а только указывает на него (аналогия или корреляция). Вот почему понятие времени совершенно неправильно определяют как ряд действительных [событий], существующих одно *после* другого, как будто это понятие приобретено опытом. Дело в том, говорит Кант, что я не понимаю, что обозначает слово *после*, если ему уже не предшествует понятие времени. Ведь происходящее одно *после* другого есть то, что существует в *разное время*, так же как существовать *совместно*, значит *существовать в одно и то же время* [6, с. 293]. И, тем не менее, время есть величина единичная, а не всеобщая [6, с. 294]. И поскольку она единичная, то постигается *чистым созерцанием*, я бы сказала, рефлексивным созерцанием. Время есть идея ещё до чувственного опыта (ощущений), и возникает «до всякого ощущения как условие отношений, встречающихся в чувственно воспринимаемом», поэтому **идея** времени есть не чувственное созерцание, а *чистое созерцание* [6, с. 294]. Тем определением, которое Кант наделяет время, он характеризует и пространство: единичное представление, чистое созерцание, человеку дано не само чистое рассудочное созерцание пространства, а лишь *познание* его *символов*, а уразумение возможно только через посредство абстрактной формы. То, что единично, созерцается непосредственно (в чувственном созерцании) [6, с. 290]. Представляется, что Кант вначале исследует, а затем применяет специфический метод трансцендентальной редукции, для того чтобы показать сложность процесса познания с самого начала восприятия предмета, который уже тогда проникается априорными принципами рассудка.

Литература

1. Лекторский В. А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 11–21.
2. Ойзерман И. Т. Кант и Гегель. М., 2021. 518 с.
3. Кюн М. Кант. М., 2021. 604 с.
4. Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 3. М., 1994. 741 с.
5. Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5. М., 1994. 414 с.
6. Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 2. М., 1994. 429 с.

НЕОКАНТИАНСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ТЕОРИИ НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ КУНА

Е.Т. Шамарина

*Менеджер международной лаборатории исследований
русско-европейского интеллектуального диалога*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: eshamarina@hse.ru

Майкл Фридман предпринял попытку объединить кантианскую трансцендентальную философию и историографическую модель Куна во взгляде на изменения в науке. Его идея рационального пересмотра научных принципов контрастирует с идеей Куна о существовании универсальных наборов значений,

обеспечивающих научный прогресс. Фридман обращается к философским разработкам метатеоретического уровня для решения проблемы рациональности. Однако его аргументация рационального научного развития становится ретроспективным трансцендентальным описанием рационального научного прогресса.

Ключевые слова: парадигмы, рациональность, Кун, Фридман, неокантианская традиция, априори

A NEO-KANTIAN PERSPECTIVE ON KUHN'S THEORY OF SCIENTIFIC REVOLUTIONS

E.T. Shamarina

*Manager of International Laboratory for the studies of the intellectual dialogue between Russia and Europe
National Research University Higher School of Economics*

E-mail: eshamarina@hse.ru

Michael Friedman made an attempt to combine Kantian transcendental philosophy and Kuhn's historiographical model in a view of changes in science. His idea of a rational revision of scientific principles contrasts with Kuhn's idea of the existence of universal sets of values that ensure scientific progress. Friedman appeals to philosophical developments of the metatheoretical level to solve the problem of rationality. However, his argumentation of rational scientific development becomes a retrospective transcendental description of rational scientific progress.

Keywords: paradigms, rationality, Kuhn, Friedman, neo-Kantian tradition, a priori

В «Структуре научных революций» (1962/1970) Кун представил идею научной «парадигмы», которую он понимал как целостное мировоззрение, состоящее из метафизических взглядов, методологических правил и концепции. Во введении в первой главе [1, с. 24] Кун объясняет причины своего отказа от развития модели накопления научных знаний в недавней историографии. Вместо научного развития как простого прироста знаний он предлагает рассматривать «развитие науки как последовательность связанных между собой узлами традиции периодов, прерываемую некумулятивными скачками», т.е. концепцию череды научных революций, называемых «сменой парадигм» [1, с. 267]. Основная проблема, связанная с этой характеристикой: как можно отстаивать новую парадигму и придерживаться ее, если в периоды революционной науки ставятся под сомнение сами критерии фактичности и научной рациональности?

Ответ Куна состоит в том, что аргумент в пользу новой парадигмы обязательно носит характер замкнутого круга: «Каждая группа использует свою собственную парадигму для аргументации в защиту этой парадигмы» [1, с. 131]. Следовательно, сдвиги парадигмы не могут быть результатом рационального процесса – смена парадигмы в конечном итоге является *социальным или психологическим феноменом* [1, с. 221]. Точку зрения Куна можно расценить как поддержку релятивизма, хотя сам Кун не одобрял это следствие. Он отстаивал точку зрения, что существует универсальный набор значений для проблем, которые можно использовать при всех революционных разногласиях, что позволило бы ученым и теоретикам науки утверждать о демонстрации прогресса в истории науки. Фридман разделяет цель Куна, но отвергает релятивистские последствия историографической перспективы Куна. Основным источником посткуновского затруднения Фридман считал разрушение первоначальной кантовской концепции *априори*. Он предпринимает трансцендентальный проект: как возможно рациональное развитие науки при наличии глубоких разрывов в её развитии?

Одним из главных примеров научной революции для Куна является переход от ньютоновской гравитации к гравитации в теории относительности Эйнштейна, рассмотренный в главе IX «Структуры научных революций» [1, с. 129]. Фридман видит в подходе логических эмпириков к анализу физических теорий основу для исправления описания Куном перехода от тяготения Ньютона к гравитации Эйнштейна. Он заменяет термин Куна «смена парадигмы» *рациональным* процессом пересмотра научных принципов. Именно пересмотр этих принципов делает возможными выдвижение собственно эмпирических гипотез с соответствующими онтологическими картинами, методологическими правилами, головоломками, стандартами решения и образами общественной жизни, что и представляет собой революционное изменение теории. *Понятие рациональности науки у Фридмана* — это не интеллектуальное предприятие, постепенно приближающееся к внешней реальности, а направленное на достижение *идеального консенсуса идеального научного сообщества* [2, с. 68]. Это идеальное состояние никогда не может быть достигнуто; оно играет роль рационального

«компас» для ученых и состоит из априорного *регулятивного идеала* научного исследования. Алан Ричардсон указывает, что у Фридмана «синтез, сближение менталитетов звучит как аргументированные переговоры – одновременно рациональные и неревOLUTIONные» [3, с. 262]. Т. о., Фридман использует *метода анализа*, цель которого – выявить принципы, определяющие рамки исследования.

Второе отличие альтернативы Фридмана состоит в описании *механизма изменения теории*. Точка зрения Фридмана в некоторой степени наследует концепцию изменения теории Карнапа, согласно которой мы принимаем новую структуру или концептуальную основу научной теории, поскольку это *целесообразно*. Фридмана интересуют *концептуальные предпосылки* теории, способной поддерживать традицию нормальной науки. Поэтому было бы ошибкой рассматривать замену набора конститутивных принципов как объяснение смены парадигмы, хотя Кун считал свою концепцию «*некой разновидностью постдарвиновского кантианства*» [4, с. 146] с изменяющимися категориями.

Фридман предлагает альтернативную картину полностью динамической дифференцированной системы знаний из трех уровней: базового, включающего концепции и принципы эмпирического знания; уровня, на котором располагаются конститутивно – априорные принципы как условия возможности для эмпирических законов (в терминологии Куна – относительно стабильные правила игры (парадигмы); и уровня философских *метопарадигм* (или метарамок). Чтобы подтвердить релятивизированный или конститутивный априори, Фридман формулирует *межпарадигмальное понятие рациональности*, не ограниченное конститутивными принципами какой-либо отдельной парадигмы. Он выходит за рамки Карнапа и Куна и описывает данную функцию как то, что Кант назвал трансцендентальной философией. Фридман утверждает, что при революционном переходе все же существует важный элемент взаимосвязи старой и новой концепций в том же самом процессе концептуального изменения. Обращаясь к примеру Куна, Фридман указывает, что специальная релятивистская механика приближается к классической механике в *пределе*, когда скорость света стремится к бесконечности, а структура светового конуса присутствует в каждой точке общего релятивистского пространственно-временного многообразия и «*коллапсирует*» в ньютоновскую плоскость абсолютной одновременности в каждой точке; риманова геометрия с переменной кривизной приближается к плоской евклидовой геометрии, поскольку рассматриваемые области касательного пространства становятся бесконечно малыми; общие релятивистские полевые уравнения гравитации Эйнштейна приближаются к уравнениям Ньютона для гравитации, поскольку, опять же, скорость света стремится к бесконечности [5, с. 379]. Поскольку конститутивные принципы более ранней структуры содержатся в более поздних как приблизительный частный случай, постольку конститутивные принципы более поздней структуры полностью содержатся в более ранней структуре (как, например, бесконечно малая евклидова геометрия содержится в евклидовой геометрии).

Место философии в смене научных парадигм – ретроспективно обобщить радикальные инновации после научных потрясений; философские разработки могут расширить пространство эмпирических возможностей науки [2, с. 67]. Философская контекстуализация самых основных конститутивных принципов, определяющих *фундаментальные пространственно-временные рамки* эмпирического естествознания, играет незаменимую ориентирующую роль в концептуальных революциях в науке путем создания новых эпистемологических мета-каркасов (мета-структур), и эволюционно направлять революционные переходы к новым научным рамкам. Трансцендентальная философия в этом смысле делает доступными перспективные концепции *межпарадигмальной рациональности*. Для обоснования Фридман заимствует у Юргена Хабермаса термины «*коммуникативная рациональность*» и «*инструментальная рациональность*». Коммуникативная рациональность характеризуется процессом аргументации, апеллирующим к моделям аргументации и основанном на взаимно приемлемых способах рассуждения для всех участников с целью достижения согласия. Коммуникативная реальность противоположна инструментальной рациональности, которая характеризуется как индивидуальный процесс обдумывания, надлежащего сопоставления средств и целей. Фридман утверждает, что признание только инструментальной рациональности как в нормальной, так и в революционной науке объясняет неспособность Куна найти постоянные критерии и ценности в процессе развития науки, которые позволяют сдвигам парадигм быть результатом рационального процесса.

Необходимо отметить «изменение смысла», которое Фридман приписывает терминам и принципам, называемых им априорными, при переходе от старых рамок к новым. Даже если те же условия и принципы снова появляются в новой структуре, они не имеют того же значения. Аргумент Фридмана поддерживает представление Куна о несоизмеримости и неперевоодимости между последовательными структурами в научной революции. Фридман ясно заявляет: «Более поздняя структура, конечно, не может быть переведена в более раннюю структуру, просто потому,

что концепции, использованные при формулировании более поздней концепции, еще не возникают» [2, с. 99]. Это связано с изменением «статуса» таких принципов в их межпарадигматическом переходе.

Если у Канта мы обнаруживаем абсолютные априори (пространство и время), у Райхенбаха – жесткое ядро постоянных априори и релятивизированные априори, то у Фридмана априори постоянные и релятивизированные составляют *внутреннюю априорную конститутивную структуру*, в которой априори взаимодействуют друг с другом и взаимовлияют, приводя к изменению всей системы. Относительно фиксированные или укоренившиеся элементы науки в смысле эпистемологического холизма Куайна, по мнению Фридмана, не являются конституционально априорными частями наших научных теорий, имеющих особую конститутивную функцию: функцию точного математического формулирования и эмпирического применения рассматриваемых теорий в первую очередь. В этом смысле релятивизированная и динамическая концепция априори, разработанная логическими эмпириками, по утверждению Фридмана, описывает концептуальные революции гораздо лучше, чем холизм Куайна [6, с. 181].

Представление Фридмана, что объективность и рациональность научного прогресса можно сформулировать и защитить с помощью динамической и историзированной версии априорного кантианства, развивает посткуновский подход к философии науки, ориентированный на связь между историей науки и историей философии. Он реанимирует идею о том, что революционное изменение теории является результатом рационального процесса и не требует простой целесообразности. Но его описание перехода от конститутивной основы тяготения Ньютона к гравитации Эйнштейна в физике пространства-времени в некоторых местах еще напоминает конвенционализм. Описание им «изменения основополагающих принципов» временами кажется близким к «изменению условностей», даже если переход достигается путем использования коммуникативной рациональности. Несмотря на то, что Фридман дистанцируется от традиционного понимания рациональности, а его решение проблемы направлено на философское обоснование рациональности научного развития, ответы Фридмана не выводят из «посткуновского затруднительного положения», а служат ретроспективным трансцендентальным описанием рационального научного прогресса

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В.Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 605 с.
2. Friedman M. Dynamics of Reason. The 1999 Kant Lectures at Stanford University. Stanford: CSLI Publications, 2001. 141 p.
3. Richardson A. Narrating the History of Reason Itself: Friedman, Kuhn, and a Constitutive A Priori for the Twenty-First Century. Perspectives on Science 2002, vol. 10, no. 3. The Massachusetts Institute of Technology. P. 253–274.
4. Кун Т. После «Структуры научных революций» / Томас Кун; пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2014. 443 с.
5. Friedman M. Transcendental Philosophy and A Priori Knowledge: A Neo-Kantian Perspective // P. Boghossian and C. Peacocke (eds.). New Essays on the A Priori, Oxford University Press, 2000. P. 367–383.
6. Friedman M. Kant, Kuhn, and the Rationality of Science. Philosophy of Science. 2002. No 69. P. 171-190.

МИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ Ж.БАТАЯ И М.БЛАНШО КАК АЛЬТЕРНАТИВА «МЕТАФИЗИКЕ ВОЗМОЖНОГО ОПЫТА»*

В.Г. Косыхин

*Доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и методологии науки
Саратовского национального исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: kosyhinvg@gmail.com*

Существует ли альтернатива трансценденталистской метафизике возможного

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44095 («Многообразие теологических, философских и научных подходов к постижению феномена христианского религиозно-мистического опыта: горизонты и пределы междисциплинарного синтеза»).